

ИЗЪЯНЫ И РЕСУРСЫ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В обсуждении проблемы приняли участие доктор философских наук, профессор В.А.Луков, доктор педагогических наук, профессор О.К.Филатов, доктор физико-математических наук, профессор Е.Н.Яковлев. Ведущий – доктор философских наук, профессор П.С.Гуревич.

П.С.ГУРЕВИЧ: Сравнительно недавно умер видный государственный деятель советской эпохи Михаил Соломенцев. Незадолго до кончины у него взяли интервью. Был задан вопрос: «Какова главная беда современной России?» Он ответил: «Непрофессионализм управления». Может быть, это пристрастный взгляд человека ушедшего времени? Или экспертиза опытного социального организатора? А если предположить, что это точная оценка, то возникают и другие вопросы. Относится ли снижение профессионализма только к России, или это общая тенденция, некий признак новейшего времени? Парадокс усматривается в том, что, с одной стороны, бурно развивается менеджмент, внедряются новые управленческие технологии, изучается опыт эффективных компаний, а с другой, крайне мало критического анализа управленческих неудач, разносторонних экспертиз. В чем дело? Наконец, что надо делать, чтобы осознать изъяны и выявить ресурсы социального управления?

О.К.ФИЛАТОВ: Хочется сразу согласиться с мнением Соломенцева. Философы XVIII в. высмеивали современную им элиту. Она была ужасающе невежественной, несмотря на титулы и богатство. Они просто покупали знания и услуги в любых областях: финансах, архитектуре, управлении, искусстве или военном деле. Невежество элиты было настолько вопиющим, что она была просто не способна к руководству. Но тогда существовала потребность в общих и, по всей видимости, глубоких знаниях в некоторых областях. Поэтому люди должны были интересоваться идеями и изобретениями своего времени. А для этого читать, думать, задавать вопросы и обсуждать проблемы, выходящие за узко профессиональные рамки. Рассматривать общество как органическую, живую материю. Сегодня, по сравнению с технократами наших дней, прежние руководители-аристократы покажутся знатоками, эрудитами и цивилизованными людьми. Современный технократ активен и действительно сильно подготовлен. Но, исходя из любого современного традиционного стандарта, он – фактически неграмотный человек.

Представьте себе, господина Кириенко назначают на высокий пост, связанный с атомной промышленностью, и он заявляет что-то вроде: дело для меня новое, но рассчитываю подучиться. Спрашивается: почему никто не смеется? Отчего не слышен голос новоявленного Михаила Евграфовича? Послушайте, какая чудовищная инверсия. Ведь сначала учатся, а потом управляют. А вовсе не наоборот. Русский поэт Велимир Хлебников мечтал о должности председателя земного шара. А что? Пусть подучится. Так почему-то не назначили. Видите, какое несправедливое отношение к руководящим кадрам. Теперь возьмем для полноты картины юриста Германа Грефа. Вот

умерла академик Наталья Петровна Бехтерева. Газеты откликнулись сразу: «Кто теперь разгадает тайны мозга?» Настоящий специалист незаменим. Уход Грефа такими стенаниями не сопровождался. Никто не обозначился: «Что теперь будет с российской экономикой?» Забавно сегодня читать рекомендации этого управленца теперь уже сотрудникам банка. Он увещевает их быть вежливыми, внимательно относиться к замечаниям клиентов.

Е.Н.ЯКОВЛЕВ: А что, дельные советы...

О.К.ФИЛАТОВ: Само собой. Но обозначим первую проблему – некомпетентность. Управленцы уверены, что бизнес во всех своих проявлениях одинаков. Распределяя задания между менеджерами, среднестатистический управленец абсолютно равнодушен к тому, какова специфика данной деятельности. Оказывается, нам нужны знания не по профилю, а в области менеджмента. Варить сталь, добывать уголь, внедрять нанотехнологии, руководить вузом – не все ли равно? Важно усвоить основные принципы управления. И вот парадокс: все говорят о профессионализме, а вокруг засилье дилетантов. Появились новые понятия – компетенция, компетентность, обозначены их признаки. А вокруг одни мастера издавать сельскохозяйственную газету, разумеется, в том варианте, как это описал Марк Твен. За 15 лет, в течение которых современная элита пытается вывести страну из кризиса, никакого прорыва не обозначилось. И вот при изобилии финансовых ресурсов, при почти идеальной внешней конъюнктуре уровень инвестиций в реальный сектор экономики крайне низок. Он в два раза ниже, чем в Индии и Китае. Станкостроение в России практически исчезло. Дороги разрушаются, а те, которые с твердым покрытием, сокращаются. Дорожное строительство переживает не лучшие времена. Чем можно похвалиться? Разве только торгово-развлекательными центрами. Трудно представить сейчас такого сталинского наркома, который имел бы приблизительное представление о своем наркомате, о том, чем он, вообще говоря, занимается.

П.С.ГУРЕВИЧ: О реформаторах такого класса, как Витте или Столыпин, нет и речи.

Е.Н.ЯКОВЛЕВ: Давайте сравним. Вот недавний министр Зурабов. До сих пор его вспоминают, как водевильную фигуру, который успел развалить здравоохранение. Теперь о нынешнем министре образования. Он остался в новом правительстве. А за какие заслуги? Все эти начинания уже отразились негативно на современном образовании. Мог бы при любой власти на посту министра красоваться министр, от которого стонет вся общественность – научная, вузовская, педагогическая? Писатели дают аргументированный анализ современного изучения литературы, истории в школе. Родители напуганы психологическими последствиями ЕГЭ. Спрашивается, кому нужна реформа, если она проводится «через колено», вопреки мнениям специалистов, без учета непредвиденных и очевидных последствий? Фурсенко видел смысл ЕГЭ в том, чтобы дать всем выпускникам школы равные шансы и предотвратить вузовские злоупотребления при отборе будущих студентов. А что получилось? Теперь школа имеет возможность «обойти» возникшие сложности и за обозначенную сумму помочь отпрыску получить неплохие оценки для поступления в вуз.

Поборотся с коррупцией не получилось. А сведение обучения к тестовой проверке окончательно подрывает идею образования. Ведь новое поколение должно получить не только информацию, полезные сведения. Древние греки учили: надо зажечь факел, а не наполнить голову молодого человека знаниями. Получается, что прорыв в области образования обернулся разрывом с многолетней духовной традицией. Министр говорит также о том, что мы должны воспитывать в школе будущих потребителей. Он ощущает себя крупным государственным деятелем. В самом деле, потребительское общество будет развиваться, а питомцы школы так и не научатся потреблять. Ведь это же коллапс для экономики. А может быть, школа должна приучать своих выпускников к креативности, к умению мыслить нестандартно, предлагать нетривиальные решения.

П.С.ГУРЕВИЧ: Еще один недостаток современных управленцев – отсутствие системности в работе. Взгляд лидера падает на какую-то сферу жизни, обнаруживает в ней недостатки, и тут же начинается «штурм». Но ведь у каждой проблемы есть своя история. Здравому смыслу нетрудно разглядеть абсурдность той или иной ситуации. Но для исправления ситуации одних эмоций мало. А вот предыдущий премьер Зубков с огромным изумлением обнаружил, что людям трудно жить на одну пенсию, что сельское хозяйство у нас запущено. Эльвира Набиуллина недавно сказала: «Нас часто, и нередко справедливо, упрекают в отсутствии системного подхода к решению проблем. Мы сейчас принимаем целый ряд долгосрочных программ, которые порой не увязаны друг с другом: генеральная схема размещения объектов электроэнергетики, стратегия развития РЖД, стратегии развития регионов или краев России. Все это отдельные блоки здания, но общего рисунка, плана и сметы этого здания у правительства пока нет. Концепция как раз и должна дать системную картину развития страны, конкретный план работы». Понятие системности здесь, на мой взгляд, упрощено. Речь, по сути дела, идет о комплексном подходе. Но этого мало. Системность предполагает учет не только актуальных, но и долгоиграющих тенденций. Результаты ЕГЭ в этом году удручающие. Технологизация испытаний погружает в отчаяние. ЕГЭ – это утраченные иллюзии. Родители надеялись, что их дети, живущие в разных городах страны, будут учиться в лучших московских вузах. Никто не учел при этом стоимость жизни в Москве, наличие общежитий и т.д. Вводя тестовую систему, чиновники не учли практических установок школьников. Масса рабочих в современной экономике не востребована. Кто должен был учесть все это? Образовательная реформа не была соотнесена даже с реформой армии. Такой управленческий принцип хорошо известен: «Ввяжемся в драку, а там посмотрим...». Но каждый управленец должен знать, что любое его решение влечет за собой массу непредвиденных следствий. «Свободен только первый шаг, но мы рабы другого». Не так ли учил нас великий Гете?

В.А.ЛУКОВ: Все же надо заметить, что многие проблемы управления сложились не только в нашей стране. Налицо и некоторые общие тенденции, которые обнаруживают себя в современной культуре. Журнал «Вестник аналитики» уже писал о том, что сложившиеся типы социального управления

изжили себя, утратили свою эффективность. Настало время осознать, что следовало бы радикально пересмотреть основы технократической идеологии. Она фатально заражена рационализмом. Обладание знаниями, их использование и проверка стали главной заботой элит, оценкой мастерства и лейтмотивом деятельности элит. Однако сила этих элит зависит не от эффективности использования этих знаний, а от эффективности контроля их использования. Таким образом, среди иллюзий, в которых пребывает наша цивилизация, присутствует и абсолютная вера в то, что решение наших проблем заключается в более точном применении рационально организованной экспертизы. В действительности же наши проблемы чаще всего являются следствием ее применения. Утверждение, будто мы создали самое усовершенствованное общество в истории человечества, – всего лишь иллюзия. А реальность такова, что разделение знаний на феодальные вотчины сделало всеобщее понимание и скоординированное действие не только невозможными, но и сомнительными и вызывающими презрение.

П.С.ГУРЕВИЧ: Макс Вебер писал: рациональность – судьба европейской цивилизации. Можно ли бороться с судьбой? Никогда в истории не было так много элит, обремененных весьма большим влиянием и знаниями. Джон Сол с огромной тревогой пишет о том, что технократическая идеология овладела миром, что именно этот факт объясняет, почему многие мировые проблемы возникают для человечества неожиданно, негаданно. К примеру, угроза продовольственного голода. Ведь никто не ожидал. Все полагали, что со временем еда вообще станет дешевой. Теперь оказывается, что для ряда социальных слоев она вообще окажется недоступной. А угроза, связанная с потеплением климата? Писали на эту тему с раздражением, мол, зачем нас пугают, ничего этого не будет. Теперь кризис с питьевой водой. Призывы поставить глобальные ресурсы под глобальный контроль. Василий Шукшин в рассказе «Срезал» гениально пародирует технократическое мышление. Обращаясь к кандидату наук, приехавшему в деревню, он интересуется феноменом шаманизма и задает такой вопрос: «Где хотя бы приблизительные расчеты?» В самом деле, где они? Вот отечественный писатель Иван Ефремов в романе «Час быка» рисует знакомую теперь ситуацию. В мире царит голод, а очень богатым людям не жарко, не холодно. Так вот технократы убеждены в том, что все социальные проблемы можно решить с помощью рациональной экспертизы. Так выявилась своеобразная паранойя экспертного знания.

Е.А.ЯКОВЛЕВ: Больше всего на свете власть боится критики. Ни демократы, ни диктаторы не способны принять тот факт, что критика является наилучшим средством от совершения ошибок и самым действенным инструментом любого общества. Слабость власти, основанной на рационализме, хорошо видна в том, что она даже в большей степени, нежели средневековые властители, воспринимает критику как деструктивную силу. Из замков современной власти изгнаны даже шуты.

П.С.ГУРЕВИЧ: Из экспертного знания вытравлено все, что не относится к логике, – веления духа, интуиция, воображение, вера и эмоции. Это постоянное утверждение разума продолжается и в наши дни. Он затмил уже все

другие возможности постижения реальности. Именно поэтому серьезные просчеты в управлении даже не воспринимаются нашим обществом как провал, как скандальное событие. То, что натворила бюрократическая логика, можно исправить с помощью этой же логики.

Е.А.ЯКОВЛЕВ: Представьте себе, сколько сил было потрачено на проведение административной реформы. Сколько было очевидных обоснований, расчетов. Может ли министерство думать о планах на будущее, если оно занято рутинной каждодневной работой? Надо создать внутри этой структуры самостоятельное агентство. А кто же будет контролировать всю работу, проверять ее эффективность? Еще одно агентство. Как все логично, технократично. Пока перетаскивали столы и стулья, все работа была парализована. Но вот постепенно все стало входить в некие берега. Со стенаниями, но все-таки новая схема стала обкатываться. Но тут выявилась ее неэффективность. Как говорится, лучше не стало. Хорошо бы вернуться к тому, что было. Но аппарат уже не может справиться с еще одной масштабной реорганизацией. Приходится отказываться от новой полноценной административной реформы. Нельзя же парализовать работу управления еще на полгода - год. Вот и приходится ограничиваться косметическими мерами. Ликвидировать некоторые абсолютно ненужные агентства, перестроить деятельность отдельных министерств. А в новом, уже при Путине, правительстве назначить несколько вице-премьеров.

В.А.ЛУКОВ: Судя по внешним признакам, жить стало лучше, жить стало веселее. С началом девяностых не сравнить. Но это в среднем по стране, а реальность все больше напоминает горный ландшафт: то Эверест, то пропасть. Чудовищное расслоение народа по богатству, власти и престижу (формула Макса Вебера) закрепилось надолго, сегодня это предлагаемые обстоятельства для постановки и решения любой социальной проблемы. Никуда не делось и резкое имущественное расслоение россиян. У нас по-прежнему много бедных. По данным Росстата, доход 22,3 млн. россиян ниже прожиточного минимума. Значит, за чертой бедности – каждый седьмой житель страны! Причем половина бедняков – работающие люди. Но в реальности число живущих за чертой бедности гораздо выше, чем насчитали в Госстате. Мне не представляется полезной для дела позиция значительной части нашей интеллигенции, «допускающей шипение в адрес властей», освистывающей инициативы Кремля, так сказать, чохом, без разбора. Призывы распределить нефтедоллары среди российского народа для поддержания штанов привлекательны, но неконструктивны. Напротив, путь на реализацию национальных проектов по своему замыслу конструктивен, хотя сейчас многим кажется непривлекательным.

В чем же дело? Почему явно популярные идеи вложиться в здравоохранение, образование, сельское хозяйство, социальную сферу в общественном сознании отразились как идеи популистские? К национальным проектам с самого начала возникло недоверие: знаем, опять все деньги уйдут в карманы чиновников. На этом фоне Путин и Медведев как будто взялись доказать: нет, разбазаривания средств не допустим, социальные проблемы

решим. В проекты ушли огромные деньги, в СМИ немало информации о достигнутом, а скептицизм общественных оценок только укрепился.

П.С.ГУРЕВИЧ: Вы полагаете, для этого нет оснований?

В.А.ЛУКОВ: Есть, но надо разобраться. На проектном принципе решения национальных задач хочу остановиться. Что есть проект? В кругу специалистов по управлению проектами говорят: если вы что-то задумали, а ресурсы для достижения цели ограничены, – это проект. Собственно, ресурсы всегда в чем-то ограничены, в чем-то избыточны, и задача состоит в том, чтобы отделить необходимое от лишнего, найти недостающее и так управлять ресурсами, чтобы при минимуме затрат наилучшим образом реализовать поставленную цель. Это вещи общеизвестные, но на практике проектная организация дела встречает немало препон. Проблема далеко не только в объемах финансирования.

Когда я читаю о затратах на национальные проекты, часто вспоминаю один монолог из Александра Николаевича Островского, из его комедии «Без вины виноватые». Молодая барыня Шелавина там говорит: «Я теперь стала богата, а жить по - богатому не умею. То есть умею только деньги по магазинам развозить, на это у меня ума хватает; а как вести счета да расчеты, да управлять имением, я аза в глаза не знаю». Создается впечатление, что «аза в глаза» не знают и разработчики национальных проектов. Точнее, знают, но, видимо, решают какие-то смежные задачи.

О.К.ФИЛАТОВ: Может быть, действительно знают. Но дело в том, что в управление рекрутировалось множество новых людей, заряженных энергией, но не владеющих ситуацией. Сравните, к примеру, фельетонный образ бюрократа, созданный, скажем, Ильфом и Петровым. Это по обыкновению человек ленивый, самодовольный, выполняющий свои обязанности неохотно, со скрипом. И вот новый бюрократ, брызжущий энтузиазмом. Его девиз: «нам нет преград», а символ веры: «мечта прекрасная, еще неясная...».

В.А.ЛУКОВ: Согласен. Мое последнее замечание основывается на наблюдении за разработкой одной социальной программы регионального уровня, недавно утвержденной даже без требования внести коррективы. Проектирование шло так: было известно, что дают 1,5 млрд. рублей с тем, чтобы достичь поставленной руководством цели за три года, и под эти деньги создавалась программа. Разработчики знали, что за три года решить проблему можно только формально: не хватает квалифицированных кадров, нет технологий, не ясны последствия. Возможно, программу надо осуществлять в другие сроки, возможно, на большие вложения – или меньшие? – никто не считал. Программу составили, придумывая, как растратить обещанные 1,5 млрд. рублей. Разумеется, придумали – запланировали примерно 40 фестивалей в год, десятки конференций и выставок по самым дорогим расценкам и т.д. Как мне представляется, точно так же разрабатывались и национальные проекты. Пока такая практика будет сохраняться, мы не вправе говорить, что в стране формируется проектное мышление и что социальное проектирование становится привычным и освоенным методом решения национальных задач.

Или хотя бы местных, хотя бы в пределах отдельно взятой организации или территории.

Вот национальный проект по здравоохранению. Он осуществляется уже не один год, многое реализовано из задуманного. Но почему в замысле не оказалось места рядовой поликлинике, где и здоровый заболел, просиживая часы и дни в очередях в ожидании врача? А где же врач? Он работает в поте лица, принимая в день десятки пациентов. Но лечить ему некогда, он пишет авто ручкой (удивительно, что не гусиным пером) диагнозы и назначения и подклеивает листки в историю болезни. Антиправительственные настроения зреют в очередях к районному терапевту! Когда принимались национальные проекты с многомиллиардными вложениями, неужели это было неизвестно? А если известно, то почему обычная поликлиника не стала главным объектом проекта по здравоохранению? Так что дело не только в деньгах, но и в замысле. В замысле – в первую очередь.

П.С.ГУРЕВИЧ: В том-то и дело, что современный технократ убежден в том, что все менеджеристские вопросы решаются с помощью финансирования. Это глубочайшее заблуждение. Наиболее эффективные современные консультанты показывают, что люди идут работать не только туда, где больше платят. Идет активный поиск иных, нефинансовых стимуляторов деятельности. Иной человек получает должность, которая оплачивается хуже, но она позволяет специалисту проявить свою креативность. Другой дорожит психологическим климатом в сложившемся коллективе, где приходится проводить значительную часть суток. Третьего согревает патернализм начальника, который готов обучить специалиста и продвинуть его, порой даже за пределами собственной фирмы. Здесь мы выходим в важнейшую сферу управления – ценностную.

В.А.ЛУКОВ: Я еще не закончил. Второе, что надо отметить в связи с проектным подходом, – опасность его присвоения государством. Это заметно в национальном проекте по образованию и в целом в политике в области образования. Попытка под предлогом национальных целей образования прикрыть негосударственное образование и монополизировать эту важнейшую для общества сферу противоречит установившемуся социальному строю, недальновидна и расходится с принципами проектной организации решения социально значимых проблем. В государственных школах и вузах проблем не меньше, чем в негосударственных, способы решения проблем – те же, включая и использование платы за образование, где государственные вузы далеко обогнали негосударственные. Проектное мышление тем и отличается от экспансионистского, что не предполагает решить свою проблему (например, уменьшение контингента учащихся в ситуации «демографической ямы») за счет других. Проекты как раз позволяют даже при ограниченных ресурсах так их скомпоновать, так их переконструировать, чтобы достичь успеха, что называется, на ровном месте, где все другие тоже могли бы чего-то достичь, но посчитали место именно ровным, никаким, непривлекательным, не престижным и т. д. С деньгами, да кадрами, да собственностью, да новейшим оборудованием, когда всего вдоволь, проекты не нужны. Только таких

идеальных ситуаций всеобщего изобилия в истории нашей страны пока почему-то не значится.

П.С.ГУРЕВИЧ: Если бы это зависело от меня, я не стал бы финансировать сегодня сферу образования. Это бесполезная трата денег. Допустим, мне, профессору, повысят зарплату. И вот я иду в аудиторию, где сидят студенты, которым знания не нужны, они не хотят учиться. Им важно получить диплом и обрести хорошую работу. У нас повсюду цитируют американского социолога Элвина Тоффлера, который утверждает, что знание стало паролем нового века. В теории оно действительно так. А на практике важно, чтобы ценностная ситуация в стране изменилась. Нужно, чтобы возникла такая установка: следует учиться серьезно. Но такой установки, пожалуй, сегодня нет в нашей стране.

Е.Н.ЯКОВЛЕВ: Надо вернуть социальной теории аксиологический аспект. Нужен не сциентистский, а гуманистический взгляд на общество. Нужно феноменологическое, а не теоретическое отношение к миру. Феноменологическое – значит ценностное. Необходимо подвергать критике экспансионистские поползновения технократического мировидения, которое направлено на разрушение многих форм духовной жизни. Стремление к эффективности как самоцели ведет огромные отрасли нашей экономики к хаосу. Современные информационные протоколы стали в наши дни протоколами власти. Сегодня, как я полагаю, доминирует слепой разум. Рациональные структуры, как ни парадоксально, осуществляют свое руководство в абсолютистской манере.

Рациональная мифология достигла таких масштабов, что превращает окружающую нас реальность в мертвую пустыню. Когда я сказал своим коллегам, что собираюсь принять участие в «круглом столе», посвященном социальному управлению, некоторые выразили недоумение: а в чем, собственно, проблема? Худо-бедно, страна развивается, бедность отступает, обороноспособность крепнет. Новый президент на международной арене заявляет о мощи и неукротимости России. Но вопросы управления не сводятся к дежурному оптимизму. Наиболее проницательные социальные мыслители отмечают, что по мере того, как технократическое сознание все глубже погружается в логику самооправдания собственной системы, ей все труднее оставаться в рамках честного анализа ситуации. За последние тридцать лет возникло множество политических и экономических планов, каждый из которых был рассчитан на то, чтобы освободить нас от депрессии, от инфляции, от внутренних противоречий. Но все они в конечном счете оказываются усовершенствованной версией великого финансового надувательства XVIII в. – аферы компании Южных морей. Ни один из этих планов не был осуществлен, и поэтому в последнее десятилетие программ и планов стало появляться значительно больше.

О.К.ФИЛАТОВ: Слово «технология» относительно новое, она образовано от греческого *techne* (мастерство, специальность) и *logos* (знание). Мастерское знание. А существительное «технократ» имеет другое значение. *Techne*, мастерство, в этом случае соединено *cratos* (сила, мощь). Мастерство

технократа проявляется в осуществлении власти. Иными словами, это искусство властвовать. Технократ – представитель абстрактной профессии, использующий узкоспециальные знания. Его привлекают в качестве наемника в организации, которые занимаются производством, услугами или торговлей. В сфере их интересов более широкие области знания. Иными словами, его нанимают для того, чтобы он мог присвоить себе власть других людей.

П.С.ГУРЕВИЧ: Технократы много говорят о системном подходе к социальным проблемам. Однако на практике мы все время встречаемся с решениями, которые подкреплены однолинейной логикой: если, то... Но технократу часто не хватает именно этой многосторонности. Д.А.Медведев на заседании президиума Госсовета в Тобольске 28 марта 2008 г. резко осудил административный произвол, который связан с малым и средним бизнесом. Он сказал: «Вот давайте задумаемся – по 45 направлениям мы контролируем наш малый бизнес. И осуществляют этот надзор порядка 30 органов, причем только на федеральном уровне. Когда об этом думаешь, вообще возникает мысль о том, чтобы полностью запретить любые проверки малого бизнеса. Принять вот такое волевое решение. Чтобы просто не ходили и денег не вытягивали из малых бизнесменов».

О.К.ФИЛАТОВ: Но Дмитрий Анатольевич говорил также о том, чтобы облегчить доступ малого бизнеса к ресурсам. Открыть для предпринимателей социальную и бюджетную сферы, улучшить структуру малого предпринимательства, наладить грантовую поддержку и в реальности открыть венчурные гарантийные фонды.

Е.А.ЯКОВЛЕВ: Это так. Но чуткое ухо технократов уловило иную директиву и бросилось выполнять ее с недюжинным энтузиазмом. Они ухватили из этой речи только одну установку. Президент, оказывается, предложил запретить надзорно - контролирующим органам посещать с проверками малые предприятия даже в случае жалоб на их деятельность. Сделать так, чтобы инспекторы могли прийти в компанию, только если есть судебный акт и прокурорское решение. «Думаю, это решение вызовет у ряда сотрудников санэпиднадзора, пожарных органов, милиции сложные эмоции, если не сказать прединфарктное состояние. Потому что зарабатывают они на этом большие деньги – официально и неофициально». И немудрено. Ведь остальное надо делать, а для исполнения этого наказа избранного президента достаточно только запретить.

Итак, руководитель страны довел свою мысль до радикального вывода. Но стоит ли терять здравый смысл? Это относится к губернаторам, которые приняли участие в этом знаменательном заседании. Они истолковали наказ Медведева буквально. 7 апреля этого года лидер партии «Единая Россия», он же – спикер Государственной думы РФ Борис Грызлов предложил максимально освободить малый бизнес от всех возможных проверок. Он сказал: «Возьмите шестипроцентный налог и не ходите к ним больше, дайте им спокойно работать». А дальше пришло сообщение, что правительственная комиссия по развитию малого и среднего бизнеса одобрила поправку, позволяющую

отменить обязательное использование кассовых аппаратов плательщиками единого налога на вмененный доход.

О.Н.ФИЛАТОВ: Вот они, издержки самоуправления от имени верховной власти.

Е.Н.ЯКОВЛЕВ: Вы представляете, что означает отменить всякие проверки в детских садах, больницах, школах? А относительно пожаров? Ведь смертоносная сила огня часто проявляет себя в тех случаях, когда не выполняют распоряжений и предписаний пожарного надзора. Разве отмена контрольно-кассовых аппаратов поможет малому бизнесу? А нам, покупателям, могут насчитать в любом магазинчике любую сумму. Никто не будет в тревоге за сроки реализации. Продадут все, что захотят. Смерть проверкам! А что вы можете доказать, если у вас нет чека? Да здравствуют распивочные и пивные залы в обычных переоборудованных квартирах! А кто им что скажет, если они заплатят свои 6% и их никто не сможет проверить? А если отменить и контрольно-кассовые аппараты, то получится не только облегчение несчастному малому бизнесу. Во-первых, что вам захотят, то и насчитают в любом магазинчике шаговой доступности. Во-вторых, что захотят, то и продадут. Какие сроки реализации? Вы что? Их, ясное дело, перепишут. А без чека, если вы выживете, никогда не докажете, что именно здесь вам продали некачественный или опасный для жизни товар.

О.Н.ФИЛАТОВ: И вот что курьезно. Сначала усилиями Онищенко, Шойгу, Нургалиева создаются необходимые требования к бизнесу. А затем они рушатся в один прием. С огромным энтузиазмом и рвением. Газеты отмечали, что новая инициатива противоречит Федеральному закону от 8 августа 2001 г. И вот вместо того, чтобы выполнять закон, следить за порядком, из речи президента вылуцивают некий анархистский смысл. Вот наглядный пример узколобового технократического решения. На беззаконие коррупционеров предлагается ответить беззаконием со стороны государства. Социологи называют это «эффектом бумеранга». Технократическое решение может вызвать следствия, прямо противоположные ожидаемым.

Е.Н.ЯКОВЛЕВ: Набор управленческих технологий обширен. Основной показатель успешности руководителя – способность наладить корпоративную деятельность, деловое сотрудничество. Но есть в арсенале и другие возможности. Психологи отмечают парадоксальный факт: неудачи, которые испытывает производственный коллектив, сильнее сплачивают группу, нежели удачи. Поэтому управленцы предлагают подчас провести испытание групповой успешности через конфликт, через состязательность. Однако не следует абсолютизировать этот менеджеристский ход. От Б.Н.Ельцина осталась в руководстве система сдержек и противовесов. Она перешла из политики в менеджмент. Посмотрите, как складываются отношения между министрами и руководителями высшего эшелона. Рассказывают, что министр связи Рейман настроен на корпоративное сотрудничество с шефами подведомственных ему агентств. Но примеров скрытого или открытого конфликта между министрами и «главными агентами» гораздо больше.

Беда в том, что разрешить принципиальные разногласия между двумя чиновниками без увольнения одного из них фактически невозможно. А пока они бодаются между собой, их сфера деятельности оказывается практически бесхозной. Например, бывший руководитель агентства промышленности Алешин долго воевал с командой своего министра Христенко. В результате государственные программы поддержки судостроения лихорадило больше года. Христенко удалось, в конце концов, «утопить» своего бывшего коллегу по вице-премьерскому цеху Алешина. А на днях в отставку ушел конфликтовавший с министром образования Фурсенко глава Рособнадзора Болотов. Но иногда конфликт не удается разрулить, даже если в него вмешивается премьер. Например, бывший шеф правительства Фрадков два раза писал представление на снятие министра Соколова и один раз на увольнение бывшего главы агентства по культуре Швыдкого. Но в Кремле каждый раз решали оставить все как есть. Даже когда острого конфликта между министром и «суперагентом» нет, типичной является ситуация, когда они кивают друг на друга. И понять, кто на самом деле прав, а кто виноват, практически невозможно.

В.А.ЛУКОВ: Не потому ли сам нынешний премьер признает, что сегодняшняя госаппарат является в значительной степени забюрократизированной, коррумпированной системой, не мотивированной на позитивные изменения, а тем более – на динамичное развитие»? 8 февраля 2008 г. Путин сказал: «В системе госуправления России (всей бюджетной сети, на предприятиях, контролируемых государством, и в органах местного самоуправления) сейчас занято около 25 млн. человек – более трети работающих в стране. Будут ли эти люди адекватны рынку?»

Е.Н.ЯКОВЛЕВ: Сегодня, даже в отличие от советских времен, не дается оценка проваленных реформ, управленческих неудач, никого не снимают с должности по результатам его деятельности. Максимум наказания, возможного сегодня, – саркастическая реплика тем, «кто сопли жуют». Что, к примеру, ждет сегодня А.Кудрина в случае провала его финансовой политики?

По данным директора Института новой экономики С.Глазьева, за последние 7 лет Россия потеряла 40 млрд. долларов из-за некомпетентного управления валютными резервами страны и девальвации доллара. Хранение денег за рубежом – заведомо невыгодное дело по сравнению с размещением средств внутри страны. В России процентные ставки по долгосрочным кредитам показывают свыше 10% доходности, облигации дают 7%, в то время как облигации США и других стран НАТО, куда мы и так активно вкладываемся, предлагают лишь 2–3% дохода годовых. Выходит, мы теряем 5% дохода минимум. Вместо того чтобы замораживать деньги за границей, надо тратить их на модернизацию жилья, строительство дорог – эти «проблемные точки» дают новые убытки для нашей экономики. Пока бывший Стабфонд не сосредоточится целиком внутри страны, экономика будет развиваться в 1,5 раза медленнее, чем могла бы.

О.К.ФИЛАТОВ: Технократ свободен от нравственных императивов. Огромные средства вкладываются в государственные школы и университеты.

Но система всеобщего образования приходит в упадок. Усилия интеллектуалов, которые должны направлять государственное образование, сконцентрированы на рафинировании технократического образования. Действительно, о каких бы нуждах всеобщего образования ни говорилось, всегда есть подспудное противоречие относительно того, чему именно национальное государство желает учить своих граждан. Массам следует давать только базовое образование, основные навыки и – чего в элитном образовании нигде не встретишь – основы морали. Другими словами, они должны получить комплект знаний, необходимых для формирования личности. Но с самого начала здравомыслящие люди жаловались на излишнее количество гуманитарности, или, говоря об образовании, гуманитарных дисциплин. В шестнадцатом и семнадцатом веках именно гуманитарные предметы были тем полем, где легче всего тайно произрастали сорняки суеверия и предубеждения. Чтобы выполоть их, требовалась победа науки. И все-таки, когда Ришелье жаловался, что гуманитарным предметам отводится слишком много места, он был озабочен не опасностью предрассудков, а угрозой, которую представляет гуманитарное образование для государства, пытающегося создать полезную для себя элиту. Такое понимание гуманитарных предметов, как пустой траты времени, которое можно использовать для полезного образования, с течением веков снова и снова выносятся на поверхность.

В.А.ЛУКОВ: Гуманитарные предметы были не только признаны враждебными разуму, была также предпринята серьезная попытка, трансформируя раздел за разделом, включить их в сферу точных наук. Так, архитектура стала наукой количественных измерений, где отдельные детали технологически формируют целое здание. Даже история искусства была превращена из суммы знаний о красоте и ремесле в математическое осознание творчества. Новые историки искусства озабочены не столько искусством или историей, сколько эволюцией технических приемов. Общественные науки, без сомнения, являются самым показательным примером, где деформируются гуманитарные знания. Тот, кто придет после нас, вероятно, будет воспринимать сужение политических, экономических, социальных знаний и искусства до математических оценок и неясного, герметически замкнутого словаря для их описания как одну из величайших глупостей нашей цивилизации. Удаление гуманитарных предметов из образования подорвало наш здравый смысл и чувство сдержанности и, таким образом, способствовало тому, что в публичной политике мы бросаемся из одной крайности в другую. И все же, несмотря на это, в нашем гуманитарном образовании слишком много гуманитарного.

Именно за это элиты критикуют недостатки финансируемого государством образования. Наши элиты уже не верят, что можно разработать систему общего универсального образования.

П.С.ГУРЕВИЧ: Что может случиться со страной, если управление не улучшится?

В.А.ЛУКОВ: Сегодня 2% населения контролируют 40% сырьевых запасов мира. Остальные 98% смотрят и думают: это несправедливо. И прикидывают, какими способами это можно отнять. В других странах рост

числа миллиардеров ненамного опережает рост экономики. Это не так в России, здесь число миллиардеров резко возрастает, но при этом страна с огромным трудом достигает уровня катастрофического 1990-го. Почему же не рассматривается как важная социальная проблема концентрация капитала в руках тех, кто этот капитал в основном не создавал, а приобрел не вполне законно? Уже сегодня в США есть программы создания авиационных боевых комплексов, способных двигаться в 4–6 раз быстрее скорости звука. А оружие, размещенное на этих платформах, будет развивать скорость в 7–8 раз быстрее звука. Наши ядерные зубы могут оказаться гнилыми. С помощью высокоточного оружия шахты, где размещены российские ядерные силы, могут быть внезапно уничтожены. Будут ресурсные войны за воду, за минеральные ископаемые. Россию ждут тяжелые времена – утрата темпов роста вместе с истощением углеводородных ресурсов, вымирание народа, продовольственная зависимость от других народов. Россия вползает в глубокий и системный кризис, во время которого резко обострятся социальные конфликты и возрастет протестная активность населения. Может случиться так, что ситуация в стране будет еще хуже, чем в 1990-е годы.

Е.Н.ЯКОВЛЕВ: Эксперты предрекают глобальный экономический кризис. Замедление мирового экономического роста – свершившийся факт. Темпы роста ВВП в США снизились, и это, как обычно на протяжении последних десятилетий, влияет на ситуацию в мире. Приток капитала в Россию уменьшится. Эксперты полагают, что он сократится в этом году до 30 млрд. долларов. Может начаться отток денег из страны. У нас недостаточно защищена частная собственность, низкое качество судебной системы, непрозрачны решения государственного аппарата. Сохраняется немало препятствий развитию малого бизнеса. В 2007 г. государственные расходы увеличились на 20%. До 2006 г. мы эффективно сдерживали рост государственных расходов. Нарастить инфляцию легко, снизить трудно. Непрозрачность государственных расходов – серьезная проблема. Хотелось бы, чтобы многие секретные статьи российского бюджета стали открытыми для общества. Это позволило бы эффективнее бороться с инфляцией. Увеличение доли государства в экономике, забюрократизированность бизнеса – ошибка.

Возьмем простой пример. Никто в правительстве, включая министра энергетики, не знает, каковы реальные запасы газа у «Газпрома». Монополия день ото дня берет на себя повышенные обязательства по добыче и экспорту. Но те, кто сегодня руководит страной, не обладают уверенностью, хватит ли в действительности газа, чтобы хотя бы отопить страну зимой.

В.А.ЛУКОВ: Рыночные отношения, которые господствуют при капитализме, распространяются на все уровни личной и общественной жизни человека. В наши дни продается все – тела, души, ученые и воинские звания, министерские должности, государственные секреты, дипломы любых вузов, медицинские диагнозы, мигалки на машину, справки о психическом здоровье. Итак, коррупция. Объявлена радикальная и решительная борьба с нею. Но в чем штука. Никто не испугался, не задумался, не вспомнил о законе и добродетели. Каждый уверен: к нему вся шумиха не относится. Да и как можно

всерьез говорить о намерениях власти покончить с беззаконием, если прекращено дело об огромных хищениях бывшего заместителя министра финансов Вавилова за истечением срока давности. Выходит, можно «замотать дело» до беспредела, а потом вообще простить преступника. Президент действительно говорит о нехватке в стране опытных менеджеров. Но неужели эта проблема только сегодня попала в поле зрения власти? Нам предстоит сейчас выделить из народа особый слой государственных чиновников, которые возьмут на себя тяжесть работы с инновационными технологиями Запада. Но где взять таких чиновников, если президент страны осведомлен о том, что хорошие должности сегодня продаются?

О.К.ФИЛАТОВ: Недавно президент выразил горечь по поводу того, что у нас нет хороших управленцев. Но разве это открылось только сегодня? Потом, что толковать о нехватке опытных менеджеров, когда в обществе давно уже отсутствует возможность пробиться в элиту для многих способных людей. Ведь наши элиты загерметизированы. Дмитрий Анатольевич, судя по всему, это понимает. Мы столько слов слышали про экономическую политику. Но все свелось к перераспределению того, что осталось нам от советского промышленного потенциала, между десятком известных теперь миллиардеров. Создается впечатление, что наше общество постепенно превращается в свою противоположность. На такой высокой стадии развития элиты сконцентрировали в своих руках силу, которая позволяет им изменить вектор развития общества. Они способны говорить одно, а делать другое. Заверяя всех в своей приверженности к капитализму, конкуренции и заслуженному успеху, они стремятся к хорошо оплачиваемой карьере служащего, не слишком обремененного обязанностями. Текстура мифологии правящей элиты настолько плотна, что за этим интеллектуальным и эмоциональным камуфляжем трудно разглядеть реальную жизнь.

П.С.ГУРЕВИЧ: Мы живем в эпоху узколобых технократических решений. Технологи закрепились сегодня во всех областях общественной жизни – в бизнесе, в политике, культуре. Разве это плохо? Да, поскольку технократическое мышление не оперирует масштабными и нравственными категориями. Это, вообще говоря, не их гардеробчик. Известный экономист, один из идеологов реформ 1992 г. Виталий Найшуль, недавно высказал убеждение, что развитие экономики в России требует нравственных устоев. Это выстраданное мнение. Узость социальной рефлексии, засилие математических приемов в общественной практике. Посмотрите, с помощью цифровых расчетов пытаются оценить труд философа, этика. Как только поставлена та или иная социальная проблема, тут же появляется некое подобие теста или мыслительной схемы. Но социальное мышление требует широкой гуманитарной экспертизы с участием социального воображения, широты философской рефлексии. В обществе царит ценностный разброд, зыбкими выглядят и теоретические парадигмы знания.

Известный кинорежиссер Павел Лунгин отметил недавно, что в начале нашего века не осталось ни больших идей, ни великих стремлений. Не может же восприниматься целью жизни рентабельность. Человек рожден не для того,

чтобы осознавать себя как небольшое, но прибыльное предприятие, в которое он вкладывает деньги, которые сам же и зарабатывает.